

Солнце вставало над окрестностями Киева — над церквями, крестьянскими хатами, Лыбедью и кручами, над высоким теремом, где в уединении проводила свои дни великая княгиня киевская Рогнеда. Яркие лучи проникали даже в ее маленькую светелку, хотя ставни были плотно закрыты. В щели просачивались узкие полоски света, ложились на деревянные половицы и выхватывали из полумрака небольшое ложе, скамьи вдоль стен, неоконченное вышивание и книгу с богатой закладкой из тисненой кожи.

Рогнеда проснулась, но не вставала, лежала в постели, думая о своем. Звать девушек, чтобы они помогли одеться, не хотелось. Она могла бы встать и распахнуть тяжелые ставни, чтобы солнце ударило в полную силу, озарило всю светлицу радостными лучами. Но не вставала, лежала неподвижно, устремив взгляд в одну точку. Сегодня был день солнцестояния, а у нее были свои счета с этим днем...

* * *

Бескрайнее, ослепляющее голубизной небо над головой, степь, сколько хватает глаз, наряды и забавы девицы, песни дружинников, пиры многодневные, гости заморские, княжий терем на высоком холме...

Никогда не забыть Рогнеде дома милого, вотчины ба-
тюшкиной...

— Приготовься, любавушка моя. — В уголках глаз
отца легкая улыбка и почему-то печаль. — Будут го-
сти сегодня к нам, нужно, чтобы и ты на пиру была.

— Гости — разве же впервые к нам? Иль подать нам
нечего? Или приветить нечем? Отчего ты грустен, ба-
тюшка?

— Пора замуж тебя выдавать, доченька. Час при-
шел — выросла ты. Оттого и грущу. Видно, скоро мы
с тобой расстанемся. Выберешь себе жениха и уле-
тишь в далекие края...

Звонкий смех Рогнеды достиг, казалось, верхушек
вековых сосен.

— А ты не отдавай меня, батюшка! Вот и будем мы
вместе. Или знаешь что? Лучше выдай меня за своего
дружинника — и он будет верен всегда, и я останусь
рядом!

Густая черная бровь отца изогнулась.

— Дружина моя и так верна мне и в тяготах воен-
ных проверена. Но что это ты о дружинниках загова-
риваешь? Али люб тебе кто из них?

Рогнеда опять от души расхохоталась. И смех ее зву-
чал так весело и беззаботно, что нахмурившийся бы-
ло отец поневоле улыбнулся.

— Что ты, батюшка! Так, подумалось мне... Ведь
выдают же князя дочерей за своих воинов. Взять хоть
Преславу, Святославову дочь. И рода их слава мно-
жится, и вместе с батюшкой и матушкой она... Ведь
если отдашь меня за кого из князей, придется к его

двору ехать. Очень мне не хочется, батюшка, расставаться с вами.

— Ну, пока об этом печалиться рано, перво-наперво жениха выбрать надо, — хмыкнул отец, обнимая ее. — А не полюбишься ты князьям али боярам — что делать будем?

Рогнеда озорно улыбнулась.

— Так ли уж не полюблюсь? Или брови мои не столь черны, как им нравится, или кожа не бела? А что это, батюшка, или уже присмотрели мне кого?

— Ох и разбаловали мы тебя, — вздохнул отец. — Смотрю, очень беззаботна ты... Признайся, свободно сердце твое? Нет ли в нем какой зазнобы?

Рогнеда прижалась к широкой груди отца.

— Свободно, милый батюшка, никому не отдано. Да и не хочу я ни к кому привязываться. Сам же ты говорил мне: души князей не им принадлежат.

— Говорил, доченька, говорил... Иногда приходится одружиться не с тем, кто мил, а с кем нужно для державы. Но тебя неволить не буду. Доведется выбирать — выбирай по сердцу.

— А кто приедет, батюшка?

Глаза Рогволода хитро блеснули.

— Молодой княжич Ярополк приедет, из Киева.

Рогнеда изумленно взглянула на отца.

— Да, доченька, вот, хочу породниться с киевскими князьями. Времена нынче смутные... А в Киеве престол славный и дружина великая.

— Да и у нас славная дружина, батюшка.

— Славная, да чем больше силушки, тем всегда лучше. И как знать, может, твой сын когда-нибудь на престол киевский сядет, будет во главе всей святой Руси... Владения киевские обширные и богатые. Да и объединять земли надо — вместе-то легче боронить их от врага. Нечего нам, русичам, каждому в своем куточке сидеть... Вместе мы сильнее будем...

* * *

Ярополк был красив, высок и статен и сразу понравился Рогнеде. Было в нем что-то спокойное и величественное, чувствовалась сила и уверенность нерушимая, и Рогнеда подумала, что неплохо было бы и правда сыграть свадьбу с ним — а потом, наверно, и любовь придет, как пришла к матери с отцом, которые тоже женились ради державных интересов, а потом жить не могли друг без друга.

Однако вслед за Ярополком неожиданно приехал его младший брат — киевский княжич Владимир вместе со своим дядей, богатырем и воеводой Добрыней. Все раздумья свои и решения забыла Рогнеда, как только взглянула на него. Был он так же красив, как и брат, но отчего-то сердце ее заколотилось и едва смогла она довести до конца беседу чинную, а его глаза огнем загорелись, когда он увидел ее, и стало ей от этого взгляда жарко и весело, и наполнилось сердце

радостью... И с той поры куда бы ни шла, что бы ни делала, о чем бы ни думала — он стоял перед глазами, его видела во сне, о нем мечтала. И как руку ему подаст при всем народе, и как поедет с ним в далекий край...

Дни шли за днями. Рогволод привечал гостей, за дочерью наблюдал, долго молчал, долго думал. Но тянуть было нельзя, скоро пора была киевским княжичам ехать, и он наконец спросил прямо:

— Решилась ли ты уже, доченька, кого из двоих выбрать?

— Не знаю, батюшка, Владимир больше по нраву мне...

Рогволод тяжело вздохнул:

— Так и знал, по глазам видел. Больно мне слышать это. Неволить тебя не буду, как и обещал, но не торопись, доченька, рассуди по уму. Владимир что — не старший сын, к тому же — сын рабыни, Малуши, которую сама княгиня Ольга в деревню сослала, от князя Святослава подальше. Нужен ли нам позор такой, сама подумай. Добрыня, вестимо, знает, что делает, Владимиру, племяннику своему, дорогу мостит. А Ярополк на княжьем престоле в Киеве скоро сядет. С ним мы такой союз заключим — не страшны нам будут никакие враги, сила наша утроится. Всю власть возьмем себе русскую, править будем на земле нашей великой.

